

A
M 645

На правах рукописи

Мирошников Юрий Иванович

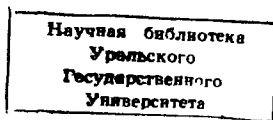
**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

09.00.13. — философская антропология и философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Ю.И. Мирошников

Екатеринбург
2000

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А.М.Горького и на кафедре философии Уральской государственной медицинской академии.

Научный консультант — доктор философских наук,
профессор И.Я.Лойфман

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Л.А.Закс,
доктор философских наук, профессор В.В.Скоробогатский,
доктор философских наук, профессор С.М.Шалютин

Ведущая организация — Институт философии
и права УрО РАН

Защита состоится «18» января 2000 г. в 15 час. на заседании диссертационного совета Д 063.78.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Уральском государственном университете им. А.М.Горького (6200083, г.Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке государственного университета им. А.М.Горького

Автореферат разослан «18» декабря 1999 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

Н.В.Бряник

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами.

Конец XX века ознаменован движением человечества к информационному обществу, характерные его черты — индивидуализация и глобализация информационных процессов. Благодаря средствам массовой коммуникации диалог культур все увереннее превращается в действенный фактор духовной жизни наших современников.

Теперь становится все более ясно, что нельзя изучать сознание, не принимая в расчет его коммуникативных свойств. Не учитывая барьеров понимания на пути культурной информации вглубь социума, трудно выработать адекватную картину социокультурной динамики, которая охватывает собой все общество.

Сегодня среди проблем изучения функционирующей культуры на первый план выдвигаются две: проблема коммуникативной модели, лежащей в основе социокультурной коммуникации; и проблема ее энергетической основы, движущих сил коммуникативных процессов. По существу — это вопросы о том, как движется культурная информация и что ее приводит в движение. При этом немало важно также определить основные типы участников культурной коммуникации. В литературе уже разработаны различные модели социокультурной коммуникации: солярная (где используется образ света как символ распространяющегося знания), евангельские модели «сеятеля» и «доброго пастыря», просветительская модель «пирамиды» («миссионерская», «классическая»), «войлочная», «мозаичная» (А.Моль) и др.

Необходимость более глубокого исследования коммуникации как социокультурного явления вытекает и из организационных задач, возникающих в работе средств массовой коммуникации, из все более обостряющейся проблемы их гармоничного сосуществования с формами межличностной коммуникации.

Коммуникативные явления выступают важным элементом раз-

личных сфер жизни человека и социума. Особенно большое внимание со стороны широкой общественности и специалистов гуманитарных наук привлекают коммуникативные явления в связи с проблемами образования. Вписать медиаобразовательные средства в совокупность образовательных форм представляется актуальным и в теоретическом, и в практическом смысле. Еще более важно правильно оценить роль интеллигенции в решении образовательных задач, стоящих перед современным человеком, испытывающим «усталость от культуры» (Л.А.Закс), а вернее от ее подмены продукцией массовой коммуникации.

Состояние разработанности проблемы. В XX веке к различным аспектам культурной коммуникации проявили интерес помимо социальной психологии многие другие науки: философия, эстетика, культурология, социология, филология, риторика, лингвистика, семиотика, науковедение, наукометрия, журналистика, информатика и т.д. Наиболее известные западноевропейские исследователи, внесшие заметный вклад в исследование коммуникативных явлений, это Т.В.Адорно, Р.Барт, А.Вебер, М.Вебер, В.Вундт, Г.Зиммель, Г.Лассуэлл, Г.Лебон, М.Маклюэн, К.Маркс, А.Моль, Ф.Ницше, Х.Ортега-и-Гассет, Ж.-П.Сартр, Г.Тард, Э.Фрейд, И.Хейзинга, М.Хоркхаймер, У.Эко и многие другие. Обозначенная нами тема живо интересовала русских мыслителей, литературных критиков, педагогов, писателей XIX века: К.С.Аксакова, Н.А.Бердяева, П.А.Вяземского, А.И.Герцена, Н.А.Добролюбова, Ф.М.Достоевского, И.В.Киреевского, Д.И.Писарева, В.В.Розанова, Вл.Соловьева, Л.Н.Толстого, Ф.И.Тютчева, А.С.Хомякова, П.Я.Чаадаева и др.

Коммуникативные аспекты отечественной культуры, духовной и идеологической жизни социума в XX веке попали в поле научного исследования начиная с 60-х годов на фоне оживления всех сторон жизни советского общества. Ученых стало интересовать общественное мнение, настроение определенных социальных групп, их способность воспринимать различные образцы искусства, реагировать в

нужном ключе на идеологические компании в СМК и т.д. Советское обществознание пополнилось многочисленным рядом имен. Мы назовем здесь авторов, разрабатывавших различные аспекты социокультурной коммуникации: социально-психологический, информационно-технологический, семиотический, лингвистический, социологический, эстетический, историко-культурный и философский.

В социально-психологическом плане коммуникационные явления рассматриваются как один из элементов общения: непосредственного и опосредованного; индивидуального, группового и массового (Г.М.Андреева, А.Б.Добрович, А.А.Леонтьев, Б.Ф.Ломов, Б.Д.Парыгин, Б.Ф.Поршнева, Г.П.Предвечный, Ю.А.Шерковин и др.). Значительный массив публикаций возник благодаря исследованию работы зарубежных «Паблик рилейшнз», потока отечественной научной информации и деятельности СМК (Н.Г.Заблюк, Ю.П.Буданцев, Н.П.Вацкекин, В.В.Ким, В.З.Коган, Л.А.Оников, Б.А.Родионов, В.А.Уханов, И.А.Федякин, Б.М.Фирсов, А.Н.Чумиков и др.). С тех же 60-х годов набирает силу семиотика, позволившая исследователям продвинуться далеко вперед в изучении коммуникативной деятельности человека. Здесь имеются в виду работы А.А.Ветрова, А.Ф.Полторацкого, И.В.Полякова, Л.О.Резникова и др. Некоторые важные аспекты исследования процессов коммуникации стали прерогативой лингвистов (И.Р.Гальперин, В.В.Колесов, Н.Н.Кохтев, Д.Э.Розенталь, М.О.Чудакова и др.) Коммуникация изучалась и в рамках социологии культуры (Ю.Р.Вишневский, Б.А.Грушин, В.Е.Кемеров, М.П.Ким, Л.Н.Коган, Б.Д.Яковлев и др.). В 70–80 годы в печати появляются коллективные монографии, позволяющие взглянуть на проблемы коммуникации с позиций эстетики. Большой вклад в развитие этой темы сделали Ю.Б.Борев, А.Ф.Еремеев, Н.М.Зоркая, М.С.Каган, Б.С.Мейлах и др. В историко-культурном плане коммуникативные процессы были представлены в работах Г.К.Ашина, Л.М.Баткина, Н.Г.Багдасарьяна, М.М.Бахтина, В.Ю.Борева, А.Б.Гофмана, А.Я.Гуревича, П.С.Гу-

ревича, А.В.Коваленко, Ю.М.Лотмана, М.К.Мамардашвили, В.М.Пелипенко, В.И.Толстых, И.Г.Яковенко и др.

Все перечисленные нами направления в той или иной степени исходили из философских посылок, самые значительные из которых формировались из понятий деятельности, общения, понимания. Именно эти понятия были центральными в творчестве таких авторов, как К.А.Абульханова-Славская, А.С.Арсеньев, В.С.Библер, А.А.Брудный, Л.П.Будева, А.В.Гайда, П.П.Гайденко, В.В.Давыдов, В.Б.Куликов, В.В.Скоробогатский, В.И.Соковнин и др. В философском плане исследование социокультурной коммуникации было также представлено работами, посвященными проблемам трансляции и популяризации научного знания. Нам кажется важным особо отметить этот момент. В 1975 г. в Москве состоялась Всесоюзная научно-методическая конференция на тему «Научно-техническая революция и проблемы популяризации естественнонаучных и научно-технических знаний», организованная Правлением Всесоюзного общества «Знание». На этой конференции впервые в нашей стране обсуждались проблемы изложения перед массовой аудиторией сложных вопросов науки. В настоящее время фрагментарность подходов к коммуникативным процессам в обществе все активнее преодолевается быстро развивающейся культурологией. Нам представляется, что именно в рамках этой научной дисциплины можно наиболее органично интегрировать в единое целое различные стороны коммуникативной деятельности людей.

Полагая, что исследование коммуникации должно быть поставлено в культурологический контекст, мы используем принципы аксиологического анализа и опираемся при этом на работы авторов, внесших заметный вклад в теорию ценностей: В.К.Бакшутова, В.Брожика, В.А.Василенко, И.Витаньи, Г.П.Выжлецова, В.В.Гречаного, А.А.Гусейнова, О.Г.Дробнидкого, А.Ф.Еремеева, Л.А.Закса, Р.Г.Кетхудова, Б.А.Кислова, Л.Н.Когана, В.И.Колоснидына, М.А.Лифшица, В.О.Лобовикова, И.Я.Лойфмана, К.Н.Любутина, Л.А.Микешиной, В.И.Плотникова, С.Х.Раппопорта, А.А.Ручки, Л.Н.Столovichа,

В.П.Тугаринова, Ю.Н.Тундыкова, А.Я.Хапсирокова, Н.Э.Чавчавадзе, С.М.Шалютина и др.

Цель и задачи исследования автор понимает как создание целостной концепции социокультурной коммуникации, опирающейся на ее аксиологическую структуру и анализ важнейших характеристик трех ее основных культурных субъектов — носителей специализированного, образованного и обыденного сознания. Для реализации этой цели предполагается решение нескольких следующих задач:

- рассмотреть развитие массовой коммуникации в истории европейской цивилизации;

- проанализировать и оценить типологические особенности основных коммуникативных моделей;

- разработать понятие аксиологической структуры смыслового пространства культуры;

- установить связь коммуникативных процессов с аксиологическими детерминантами культуры;

- выявить и описать типологические черты трех основных субъектов социокультурной коммуникации — носителей специализированного, образованного и обыденного сознания;

- показать специфическую роль образованной общественности в процессах социокультурной коммуникации.

Методологические основы исследования. В решении поставленных задач автор исходит из того, что исследование коммуникации вписывается в контекст таких культурных явлений, существенным моментом которых выступает ценностная характеристика человеческого бытия. Саму культуру мы понимаем как органическое целое, как систему, скрепленную помимо всего прочего аксиологической вертикалью. Коммуникативные процессы здесь рассматриваются в тесной связи с общением людей, с постоянным преодолением смыслового пространства культуры, разделяющего различные субъекты творчества. Здесь непосредственное личностное общение берется как форма, порождающая истинно челове-

ское в человеке. Отсюда для формирования методологических оснований данного исследования привлекаются идеи аксиологии, а также некоторые посылыки структурализма, герменевтики и философской антропологии, достижения которых долгое время не могли открыто привлекаться советскими учеными в силу их якобы очевидной враждебности идеям К.Маркса. Нам кажется анахронизмом противопоставление К.Марксу представителей современных философских школ Запада, и в то же время мы далеки от установки на преклонение перед чьей-то мыслью только потому, что она заграничная. Напротив, мы полагаем, что русским мыслителям и художникам в конечном итоге всегда удавалось найти такую мировоззренческую позицию, которая была способна выразить своеобразие духовных задач, стоящих перед нашими соотечественниками.

Итак, коммуникативные процессы в данном исследовании ставятся в контекст культурологических задач и аксиологического подхода. Мы тесно связываем коммуникацию с образованием, то есть со стихийно и сознательно (профессионально) организованным общением людей для достижения образовательных целей. Аксиологические свойства предметного мира культуры здесь берутся структурно, то есть через выявление их упорядоченности в смысловом пространстве культуры. Однако мы не считаем себя ответственными за концептуальную разработку понятий «культура», «ценность», «структура», «образование», «общение» самих по себе. Эта многоцелевая задача носит автономный и специальный характер и увела бы нас далеко в сторону от данного исследования. Наш замысел заключается в том, чтобы концептуально связать эти понятия — «культура», «ценность», «структура», «образование», «общение» с основным понятием «коммуникация» и представить единую картину аксиологической структуры социокультурной коммуникации.

В анализе культуры и ее духовного содержания нас привлекает ценностный аспект. Исследуя с этих позиций коммуникативные

явления в обществе, мы не могли не обратить внимание на достижения структурализма в исследовании ментальных моделей, их попытку в своих штудиях опереться на пространственные метафоры, на топологические представления. Однако нас занимала не сама по себе проблема ментальной структуры и место в ней ценностных элементов, а их связь с коммуникационными потоками, которые в свою очередь способны возбудить вопросы энергетического, силового характера. Поэтому мы были вынуждены с определенными надеждами обратить свое внимание на философскую антропологию и герменевтику. Теперь мы убеждены, что любое явление культуры одновременно должно быть рассмотрено и как элемент, занимающий определенное место в смысловом пространстве культуры и как носитель своеобразного энергетического начала. Ментальное поле культуры обязательно напряжено, оно существует как динамическое взаимодействие своих частей.

Поскольку в своей работе мы опираемся на исторический материал, дающий нам возможность проследить эволюцию коммуникационных процессов, развитие ценностного сознания, форм общения и образовательной деятельности, мы нередко обращались к трудам М.А.Барга, А.Я.Гуревича, И.Дройзена, М.А.Заборова, В.В.Струве, К.Ясперса и по тем или иным вопросам сопоставляли свои мысли с положениями философии К.Маркса.

Научная новизна диссертации заключается в разработке аксиологической концепции социокультурной коммуникации. Исходным в концепции является представление об иерархической организации культурного пространства, производства и трансляции ценностей культуры в обществе.

Основные результаты исследования, определяющие его научную новизну и значимость, заключаются в следующем:

1. Показано, что специфика социокультурной коммуникации определяется в первую очередь ее духовными основами и иерархической организацией смыслового поля культуры.
2. Показано, что аксиологическая структура культурно-комму-

никативной системы обусловлена общественным разделением труда, которое ведет к дифференциации духовной жизни общества и духовного производства, межличностной и массовой коммуникации.

3. Обосновано положение о том, что массовая коммуникация нерасторжимо связана с коммуникацией межличностной и подлинная культурная ценность первой вытекает из глубинной ее зависимости от потребностей и характера непосредственного общения людей.

4. Разработана аксиологическая типология общественного сознания исходя из существования различных уровней производства, ценностей культуры и даны конкретные развернутые характеристики специализированного, образованного и обыденного уровней общественного сознания, которые коррелируют с различными уровнями творческой деятельности их субъектов.

5. Социокультурная коммуникация представлена как круговорот ценностей культуры между субъектами специализированного, образованного и обыденного сознания. Отношение между народным «низом» и профессиональным «верхом» представлено как культурно-историческая универсалия и системообразующее отношение социокультурной коммуникации.

6. Показаны амбивалентность специализированного и обыденного сознания и относительность их противопоставления, что обнаруживается в наличии «низкого в высоком» и «высокого в низком», а также в движении культурной информации «снизу вверх» и «сверху вниз».

7. Дан анализ образованной общественности, динамично соединяющей в цикле социокультурной коммуникации культурные «верх» и «низ»; описаны коммуникативные функции субъекта образованного сознания и образовательной деятельности в иерархических структурах типа: ученый—учитель—ученик, художник—музейный работник—экскурсант, писатель—редактор—читатель, богослов—священник—мирянин и т.д.

Научно-практическая значимость работы. Практическая ценность исследования вытекает из того, что разработанная в нем концепция может быть использована в решении информационных и образовательных задач. Развитие многообразных технических средств создания, распространения и потребления культурной информации делает реальным прикладной смысл выявленных в диссертации особенностей ценностной структуры коммуникации. Кроме того, идеи диссертации могут найти применение в решении образовательных проблем, стоящих перед школой и обществом в целом. Основные положения и выводы могут быть использованы в курсах «Современная философия», «Культурология», «Философия образования». Материалы диссертации в своих существенных моментах могут лечь в основу преподавания спецкурсов на факультетах журналистики.

Апробация работы. Основные идеи исследования представлены в монографии «Аксиологическая структура социокультурной коммуникации» (6,5 п.л.), в ряде научных и философско-публицистических статей.

Концепция, ставшая основой диссертационной работы, докладывалась на научных конференциях различного уровня в Москве (1972), Кургане (1975), Усть-Каменогорске (1987), Иваново (1988), Комсомольске-на-Амуре (1989, 1991), Челябинске (1990), Екатеринбурге (1973, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1990, 1996, 1997, 1998, 1999), на заседаниях школы докторантов при Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском госуниверситете. Некоторые аспекты концепции были использованы в авторской программе «Философские основы русской классической литературы» в старших классах общеобразовательных школ № 2, № 88, № 204 г.Екатеринбурга, в философско-публицистических статьях в центральной и местной печати. Диссертация обсуждалась на кафедре философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных

наук при Уральском государственном университете им. А.М.Горького и была рекомендована к защите.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Содержание изложено на 249 страницах машинописного текста. Библиография включает 401 название.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность проблемы, характеризуется степень ее разработанности, определяются цели и задачи исследования, его методологические установки, определяется его новизна и научно-практическая ценность.

В главе I «Социокультурная природа коммуникации» конкретизируются исходные методологические позиции исследования.

В § 1 «Коммуникация как социокультурное явление» рассматриваются основные направления в изучении проблем коммуникации. Коммуникация ставится здесь в социальный и культурный контекст.

Межличностные и массовые формы коммуникации весьма близки каждому человеку, психологически привычны и понятны, но их теоретическое освоение остается и по сей день сложным и злободневным. Особенность исследования коммуникации в зарубежной и отечественной литературе — ее междисциплинарный характер. История, этнография, социальная психология, журналистика, искусствоведение, речеведение, лингвистика, филология, семиотика, кибернетика, теория информации, теория массовой коммуникации — вот далеко не полный перечень конкретных научных дисциплин, вовлеченных в настоящее время в орбиту изучения коммуникации.

Исследовательский интерес к коммуникации начинается с просветителей XVIII в., которые обратили внимание на то, что различ-

ные народы обладают разным историческим и национальным опытом, который может быть передан и усвоен в других странах. Затем коммуникационные явления стали предметом изучения этнографов и социальных психологов. Возникли такие понятия, как «диффузия», «аккультурация», «общественное мнение», «публика», «толпа» и т.д. Философы стали все более критически воспринимать концепцию монологического сознания, возникшую в лоне картезианства, и постепенно подошли к идее, что в основе культуры лежит общение, диалог, коммуникация.

Коммуникативные процессы оказались той научной областью, где пересекаются интересы не только специалистов разных конкретных дисциплин, но и противоположных философских дискурсов. В 60–70 годы под влиянием установок позитивизма в быстро развивающихся тогда кибернетике и теории информации коммуникация стала интерпретироваться как информационный процесс. Она подавалась как особое технологическое (и даже природное) явление, существующее независимо от человека. Эту точку зрения разделяли и многие российские ученые. С таких позиций информация, используемая в ходе общения людей, воспринималась лишь как один из ее видов. Информационный подход к коммуникации игнорировал принципиальное различие, существовавшее между общением людей (как духовных существ) и взаимодействием материальных систем (заведомо лишенных духовного элемента). Такой подход к пониманию коммуникации мы назовем физикалистским.

Сегодня нельзя не считаться с герменевтическим и структуралистским пониманием коммуникации, дающим о себе знать в современных семиотике, лингвистике, филологии. Новая парадигма тоже чрезвычайно расширяет понятие коммуникации, лишает его строго очерченных границ. Такой эффект достигается не там, что авторы не придают значения духовным аспектам коммуникации, а в силу безмерного расширения пределов культуры — сферы, подвластной творческой воле субъекта. При этом вся вселенная видится как творческая мастерская, как произведение, как знаковая реаль-

ность, как собрание текстов. Мы хотим обозначить подобный подход к коммуникации креационистским. Использование слова «текст» герменевтикой и структурализмом как основного понятия, характеризующего содержание коммуникационного процесса, выглядит противоположным физикалистскому его отождествлению с информационным процессом, но и в том и в другом случае заключена общая тенденция обойти стороной вопрос о субъектах коммуникации, ее человеческом факторе, ее социокультурной природе.

Вопрос, который мог бы разбудить рефлексию авторов физикалистских и креационистских концепций, на наш взгляд, может быть сформулирован так: **кто** может выступать субъектом коммуникации? Такой вопрос заставляет перенести внимание с того, **что** создано и **что** переносится в процессе коммуникации, на того, **кто** затрачивает усилия, **кому** она нужна, **кто** без нее чувствует себя одиноко. Коммуникация не может состояться вне культурного пространства, вне ее социальных институтов. Всякое послание имеет две стороны — материальную и идеальную, «рукопись» и «вдохновение». Не существует текст без автора, и всякий текст к кому-то обращен. Письмо прячут в бутылку и бросают в океан в надежде, что оно найдет своего адресата.

§ 2. *«Культурная роль современной массовой коммуникации»*. Если обобщить различные примеры коммуникации, то прежде всего обнаружится, что коммуникация — это вид социальной связи, где обязательно присутствует отправитель сообщения, само сообщение, способ, каким оно отправлено, получатель сообщения и, наконец, возникшая на него реакция. Формула Г.Лассуэла «Кто, что сказал, через посредство какого канала (средства) коммуникации, кому, с каким результатом» справедлива и для массовой, и для межличностной коммуникации. Разница между ними состоит в том, что в межличностном типе коммуникации участвуют единицы, имеющие равные возможности для участия в этом процессе, тогда как в массовой коммуникации функции сторон оказываются принципиально противоположными: одна сравнительно малочисленная сто-

рона производит и отправляет послание, а другая, представляющая миллионную аудиторию, — воспринимает его. В межличностной коммуникации люди соединены персонально адресованным сообщением; в массовой коммуникации оно становится достоянием огромной массы людей, рассеянных на большом географическом пространстве.

Важным моментом массовой коммуникации является ее однонаправленность. В силу этого обстоятельства мы не имеем права отождествлять коммуникацию с общением, ибо только межличностная коммуникационная деятельность близка тому объему, который мы мыслим в понятии общения. В целом же коммуникация, в состав которой мы обязательно должны включить массовую коммуникацию, не может быть отождествлена с общением, ибо массовую коммуникацию по определению нельзя представить как процесс равноправного, взаимного и одновременного обмена посланиями, как «обретение субъектами общения духовной общности» (М.С.Каган). Массовая коммуникация осуществляет ретральную связь авторов посланий с массовой аудиторией. Обратную же связь со слушателями, зрителями, читателями берут на себя особые службы исследования общественного мнения.

Гегель как-то заметил, что прочтение газеты — это утренняя молитва современного человека. Массовая коммуникация занимает в жизни индивида, семьи, нации особое место, она полностью завладела вниманием современников за счет, во-первых, развития новой информационной техники, способной еще более повысить уровень информационного сервиса, во-вторых, благодаря тому, что СМК становится все более доступными для населения. Следует отметить, что в условиях России необходимость манипулирования общественным мнением требует от государства и властвующих элит постоянных расходов на различные виды рекламы и других пропагандистских материалов, что обеспечивает даже малоимущие семьи минимумом информационной продукции — бесплатными газетами, буклетами, концертами, сеансами кинофильмов и т.д. Как потенциаль-

ный избиратель или покупатель, как законопослушный гражданин, каждый член общества сегодня на учете СМК. Массовая коммуникация — детище капиталистической эпохи — не отличается скромностью, правдивостью, созерцательностью, терпимостью — она напориста, беззастенчива, меркантильна, вездесуща, избыточна. Люди устают от современной культуры, вернее не от нее самой во всей полноте ее содержания, а от ее подмены продукцией массовой коммуникации.

Сегодня новейшие формы массовой коммуникации активно вытесняют межличностную коммуникацию из сферы публичной жизни. Отсюда кажется естественным вывод о том, что современная культура определяется работой СМК. Однако межличностная коммуникация, которая в информационном плане тождественна непосредственному общению людей, не нуждается в публичности. Она существует как подводная часть коммуникационного айсберга, забыть о ней можно лишь значительно обедняя духовную жизнь человека, принимая морские глубины его психики за речное мелководье. Силовые линии смыслового поля культуры, его ландшафт формируются не только благодаря продуктам СМК, но и интимным духовным процессам, протекающим без софитов, микрофонов и объективов. Подлинная культурная ценность массовой коммуникации вытекает из ее глубинной зависимости от потребностей и характера межличностной коммуникации и непосредственного общения, наполняющих жизнь людей смыслом, достойным человека.

В § 3 *«Духовные основы социокультурной коммуникации»*. Духовное производство — это комплекс институтов и учреждений современного общества (и среди них прежде всего СМК), которые имеют прямое отношение к порождению единого семантического пространства, консолидирующего мысли, чувства, желания людей в единое общественное мнение. Важнейшие качества духовного производства — его всепроникающая сила и тотальность, т.е. способность подчинять сознание людей определенным идеям, заданным хозяевами и функционерами институтов и учреждений

духовного производства. Духовное производство сплетено с материальным (промышленным) производством, с государственными и финансовыми структурами. Как производство книг, газет, кинофильмов, телевизионных программ, музыкальных записей и т.д., духовное производство в современном обществе стало важным элементом комфортабельной жизни, показателем ее высокого качества. Конечно, фактором духовного производства выступают СМК, но было бы опрометчиво отождествлять деятельность СМК, да и все духовное производство с духовной жизнью общества. Вместе с другими авторами мы полагаем, что духовная жизнь нации, формирование смыслового поля культуры происходит не только в рамках духовного производства, но и в повседневной жизни людей.

Духовное производство предполагает наличие определенных субъектов своей продукции. Для европейской философской мысли на всем протяжении ее истории характерно внимание к творческой индивидуальности поэтов, мыслителей, ученых. XIX век обобщил эту роль в понятиях идеолога, литературного представителя господствующего класса, интеллектуала, интеллигента. Последний термин, появившись во Франции еще в конце XVIII в., оказался более адекватным и устойчивым¹. Слой интеллигенции был противопоставлен остальному обществу в творческом, идеологическом и нравственном отношениях. В процессе созидания идеологии интеллигент противостоит обществу, народу, публике, трудящейся массе как производитель духовных ценностей — потребителям, как учитель — ученикам, как писатель — читателям и т.д. Качества интеллигента являются оппозиционными в отношении своих контрагентов. Его индивидуальность противоположна массовидности и анонимности публики, его способность к творчеству — ее сформировавшейся установке на потребление, рефлексивность — наивности, владение теорией — погружению в сферу практических интересов и т.д.

¹ См., напр.: Коган Л.Н., Чернавская Г.К. Интеллигенция. — Екатеринбург, УГТУ, 1996. — С. 7.

Усилившаяся за счет СМК коммуникативность культуры повысила значение слоя образованных людей — своеобразных посредников, делающих доступными и понятными образцы культуры, созданные в сфере «чистого» сознания. Это значение увеличивалось настолько, что нередко посредники стали заслонять собой фигуру творца. «Журналист победил профессора» (Ф. Ницше). Однако, как это ни парадоксально звучит, именно СМК, так эффективно управляющее общественным мнением, обнаружили, что народный «низ» не является «чистой доской», которая предназначена служить предметом образовательных усилий. Стало ясно, что народная масса — не только объект идеологических усилий, но и субъект духовной жизни, оказывающий мощное идейное влияние на общество.

Семантическое поле культуры предстает как своеобразный ландшафт, по которому движутся культурные сообщения. Расположенные иерархически элементы культуры конденсируют в себе огромные запасы энергии, реализующиеся в процессе коммуникации. Важным вопросом функционирующей культуры является вопрос о коммуникативной схеме, лежащей в основе социокультурной динамики. Такая схема неявно фигурирует в античной, христианской и новоевропейской философии. Главное, что объединяет их всех — символика света, идея эманации световой энергии. Свет европейской философской традицией понимается как метафизическое, духовное, божественное начало. По сути модель пирамиды просветителей, возвышающая ученых и философов над всеми остальными членами общества, — это вариация античной и христианской метафизики света.

Современные авторы модель социокультурной динамики эпохи Просвещения называют по-разному: М.К. Мамардашвили именoval ее «миссионерской», а А. Моль — «классической». Фиксируя смену лидеров в культурной жизни современного общества, А. Моль отрицает «классическую» модель в пользу новой, которую он называет «войлочной», «мозаичной». В духовной жизни современного общества много перемен. Главная из них заключается в том, что

творческая интеллигенция, как когда-то поверженные титаны, изгнана с вершины пирамиды, её заняли редакторы газет, радио и телевидения. Творцы теперь появляются здесь как исполнители замыслов хозяев и функционеров СМК. Однако схема современного функционирования культуры, на наш взгляд, остается все той же: движение к свету истины, красоты и добра человеческий дух совершает по линии вертикали.

Энергетический потенциал вертикали и кинетика горизонтали представляют собой единое целое. Нарушение гармонии между ними ведет к стагнации культуры либо за счет абсолютизации вертикальной коммуникации, ведущей к безраздельному господству монологического сознания, отвергающего существование иных ценностных структур, либо дающей всплыву плоскостного мышления, враждебного любому ценностному представлению из-за разросшихся претензий горизонтальной коммуникации. Одно обрекает культуру на замкнутость, истощение и безмолвие, другое — на глухоту, равнодушие и усталость от хаоса бессмысленных звуков, которым никто больше не придает значения.

В главе II «Культурно-коммуникационная система в аксиологическом аспекте» рассматриваются аксиологические основы структурной упорядоченности культуры, социально-историческая противоположность «верха» и «низа» культуры и ценностная дифференциация общественного сознания.

§ 1. *«Аксиологические основы структурной упорядоченности культуры».* Философии всегда была близка мысль об упорядоченности мира, о его структурности. Еще Сократ распространил эту идею на духовную жизнь человека. Сегодня место структурного подхода в науках о природе и человеке стало как никогда значительным, понятия «система», «структура» стали играть большую методологическую роль.

Структурировать культурные явления — это значит упорядочивать их в системе ценностных координат человеческого бытия, располагать объекты действительности по линии вертикали «верх —

низ». Мы исходим из того, что любой объект, существующий в поле культуры, в структурном плане несет в себе указание на ценностную вертикаль. Таким образом, аксиологический ракурс анализа феноменов культуры предполагает их восприятие на основе принципа иерархизма. Идеи об иерархичности мира ценностей, высказанные М.Шелером и Н.Гартманом, оказались плодотворными.

В диссертации исследуется иерархичность культуры, ее ментального элемента, отражающаяся в истории европейской философии. Продолжительный исторический период аксиологические свойства бытия не вызывали специального исследовательского интереса. Затем ценностное сознание становится предметом теоретического исследования, в чем большую роль сыграла философия И.Канта. В изучении топологии семантического пространства культуры также значительный вклад внес в XX в. структурализм, хотя он, на наш взгляд, недооценил роль «верха — низа» как универсалии культуры. Мы не можем согласиться с Ж.Делезом, полагающим, что восходящее и глубинное мышление античности уступает место формирующемуся в европейской культуре мышлению плоскостному.

Различие между позицией Ж.Делеза и той, которая проводится в данной работе, заключается в приоритетах: у Ж.Делеза в структуре мысли преобладает плоскость, горизонталь; на наш взгляд, приоритет принадлежит вертикали. Эту позицию мы отстаиваем, анализируя образцы художественной культуры. Не противоречит нашему выводу и характер научного творчества. В литературе уже показано, что «предметно-концептуальная, оперативно-технологическая и социально-функциональная стороны науки имеют определенную иерархическую структуру, свой верх и низ, свою ценностную топологию.»¹. Таким образом мы делаем вывод о том, что аксиологические основания культурологического исследования дают возможность обнаружить иерархичность культуры, ее ментальных структур.

¹ См.: Лойфман И.Я. О ценностном осознании верха и низа в науке // Гуманитарные исследования. Ежегодник. Вып. III. Ч. II — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. — С. 38.

низ». Мы исходим из того, что любой объект, существующий в поле культуры, в структурном плане несет в себе указание на ценностную вертикаль. Таким образом, аксиологический ракурс анализа феноменов культуры предполагает их восприятие на основе принципа иерархизма. Идеи об иерархичности мира ценностей, высказанные М.Шелером и Н.Гартманом, оказались плодотворными.

В диссертации исследуется иерархичность культуры, ее ментального элемента, отражающаяся в истории европейской философии. Продолжительный исторический период аксиологические свойства бытия не вызвали специального исследовательского интереса. Затем ценностное сознание становится предметом теоретического исследования, в чем большую роль сыграла философия И.Канта. В изучении топологии семантического пространства культуры также значительный вклад внес в XX в. структурализм, хотя он, на наш взгляд, недооценил роль «верха — низа» как универсалии культуры. Мы не можем согласиться с Ж.Делезом, полагающим, что восходящее и глубинное мышление античности уступает место формирующемуся в европейской культуре мышлению плоскостному.

Различие между позицией Ж.Делеза и той, которая проводится в данной работе, заключается в приоритетах: у Ж.Делеза в структуре мысли преобладает плоскость, горизонталь; на наш взгляд, приоритет принадлежит вертикали. Эту позицию мы отстаиваем, анализируя образцы художественной культуры. Не противоречит нашему выводу и характер научного творчества. В литературе уже показано, что «предметно-концептуальная, оперативно-технологическая и социально-функциональная стороны науки имеют определенную иерархическую структуру, свой верх и низ, свою ценностную топографию»¹. Таким образом мы делаем вывод о том, что аксиологические основания культурологического исследования дают возможность обнаружить иерархичность культуры, ее ментальных структур.

¹ См.: Лойфман И.Я. О ценностном осознании верха и низа в науке // Гуманитарные исследования. Ежегодник. Вып. III. Ч. II — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. — С. 38.

§ 2. «Социально-историческая противоположность «верха» и «низа» культуры». Восприятие мира в древности и средневековые совмещало в себе категории сакрального (аксиологического) и физического (геометрического) пространства, поэтому верх и низ имели в глазах людей не только материальные, но и нравственные качества. Светская философская и научная мысль нового и новейшего времени не смогла освободиться от аксиологической точки зрения даже в том случае, когда теоретики руководствовались в своих исследованиях принципами объективного познания действительности. Так, автора «глубинной» психологии З.Фрейда невозможно понять, не учтя его пафоса низвержения человека с нравственного пьедестала, на котором тот якобы самозванно и самонадеянно себя утвердил. З.Фрейд гордился, что он успешно продолжил дело Н.Коперника и Ч.Дарвина, и вполне вероятно, что в фундаменте здания новой психологии спрятано желание З.Фрейда поспорить с традиционными христианскими ценностями.

Оппозиция «высокий — низкий» и сегодня имеет ощутимую аксиологическую окраску, и в настоящее время искусство, религия, мораль, обыденное сознание, бытовая речь в значительной мере пропитаны аксиологическим мироощущением. Современная культура продолжает выявлять аксиологическое измерение мира, и по этому ориентиру люди стихийно или осознанно, в форме религии, искусства или философии строят всю свою деятельность, осмысляют и переживают свои отношения с окружающей действительностью, с другими людьми. Аксиологические явления, прочно связанные с человеческим бытием и сознанием, выступают для людей особым типом объективной реальности, входят в глубинные структуры культуры, определяют судьбу человеческого рода, смысл его жизни.

Принимая в качестве непреложного факта сам принцип вертикального структурирования всех феноменов культуры, мы не склонны воспринимать в качестве абсолютной и единственной какую-то одну систему аксиологических координат, выражаемую раз и навсегда

низ». Мы исходим из того, что любой объект, существующий в поле культуры, в структурном плане несет в себе указание на ценностную вертикаль. Таким образом, аксиологический ракурс анализа феноменов культуры предполагает их восприятие на основе принципа иерархизма. Идеи об иерархичности мира ценностей, высказанные М.Шелером и Н.Гартманом, оказались плодотворными.

В диссертации исследуется иерархичность культуры, ее ментального элемента, отражающаяся в истории европейской философии. Продолжительный исторический период аксиологические свойства бытия не вызывали специального исследовательского интереса. Затем ценностное сознание становится предметом теоретического исследования, в чем большую роль сыграла философия И.Канта. В изучении топологии семантического пространства культуры также значительный вклад внес в XX в. структурализм, хотя он, на наш взгляд, недооценил роль «верха — низа» как универсалии культуры. Мы не можем согласиться с Ж.Делезом, полагающим, что восходящее и глубинное мышление античности уступает место формирующемуся в европейской культуре мышлению плоскостному.

Различие между позицией Ж.Делеза и той, которая проводится в данной работе, заключается в приоритетах: у Ж.Делеза в структуре мысли преобладает плоскость, горизонталь; на наш взгляд, приоритет принадлежит вертикали. Эту позицию мы отстаиваем, анализируя образцы художественной культуры. Не противоречит нашему выводу и характер научного творчества. В литературе уже показано, что «предметно-концептуальная, оперативно-технологическая и социально-функциональная стороны науки имеют определенную иерархическую структуру, свой верх и низ, свою ценностную топографию.»¹ Таким образом мы делаем вывод о том, что аксиологические основания культурологического исследования дают возможность обнаружить иерархичность культуры, ее ментальных структур.

¹ См.: Лойфман И.Я. О ценностном осознании верха и низа в науке // Гуманитарные исследования. Ежегодник. Вып. III. Ч. II — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. — С. 38.

обрастает специальными институтами, учреждениями и т.д. Далее мы показываем, что специализированное сознание приобретает такие характерные черты, как нормативность, рефлексивность и авторство.

Как мы уже видели, для некоторых групп людей деятельность по созданию и преобразованию сознания становится целью в силу общественного разделения труда в классовом обществе. Для других социальных общностей духовная деятельность является лишь средством, с помощью которого ими осуществляется деятельность материальная. Во втором случае, как и в самом начале человеческой истории, «производство идей, представлений, сознания... непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹.

Интересующий нас здесь тип сознания можно назвать повседневным, обыденным. Черты обыденного сознания, делающие его «низким» в глазах «чистых» теоретиков, в сущности, сводятся к тому, что оно:

- 1) носит характер природно-наивного сознания (является как бы детским);
- 2) критически не осмысляет правил и норм, по которым оно действует (отсюда традиционность этого сознания);
- 3) проявляется в стихийно-анонимной форме, в форме групповой деятельности (то есть авторская интерпретация и переосмысление отсутствуют или существенно ослаблены);
- 4) синкретично в социальном и психологическом планах (неотделимо от трудового процесса, от досуговой и других форм деятельности людей), не знает обособленного развития отдельных элементов сознания.

Действительно, обыденное сознание не нуждается для своего существования в специальных институциональных усилиях общества. В этом смысле оно представляет собой стихийный, естественный, природный продукт. Результат народного творчества не при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2 изд. — Т.3. — С. 24.

надлежит одному человеку, его «хозяевами» оказываются все, хотя непосредственно он может зависеть от вполне конкретного лица. Обыденное сознание беспредпосылочно, интуитивно, ситуационно. Оно действует, подчиняя себя не логике Аристотеля, Гегеля или еще какой-либо форме мысли, а «логике» самой жизни в ее случайных, единичных проявлениях. «Чистое» сознание всегда специализированно и обособленно, обыденное сознание всегда универсально и слито с жизнью. Объект отражается им не сам по себе, а обязательно в окружении ценностных и целеполагающих его факторов, в жизненном контексте.

Философская традиция, безусловно, возносит специализированное сознание над обыденным и отождествляет первое с культурным «верхом». Однако нужно принять в расчет то обстоятельство, что качества, отмеченные нами как ведущие для специализированного и обыденного сознания, имеют амбивалентную природу, о чем мы уже говорили выше. Амбивалентность проявления специализированного сознания наталкивает нас на мысль о наличии «низкого в высоком». В свою очередь, обыденное сознание, проявляя ту же склонность к амбивалентности, способно демонстрировать «высокое в низком». Так, с одной стороны, авторство специализированного сознания, связанное с выявлением индивидуального персонифицированного начала в творчестве, нередко вырождается в элитарность, т.е. качество с заметным отрицательным культурным смыслом: творческая личность способна отчуждаться от народной жизни, от забот простого человека. Рефлексивность, вносящая гармонию, устойчивость, ясность и силу в специализированное творчество, также имеет свою обратную сторону. Подавление интуитивного порыва, спонтанного поступка, вытеснение любого «незапланированного» чувства таит в себе порок холодной расчетливости и бездушности.

С другой стороны, картина культурной жизни будет не полна, если мы, рассмотрев явление «низкого в высоком», не обратим внимание на «высокое в низком». Объективный взгляд заставляет нас

увидеть в обыденном сознании не только слабые, но и сильные стороны. Прежде всего следует отметить, что если творчество в сфере специализированного сознания нередко несет на себе печать изначальной заданности и холодного профессионализма, то природно-стихийный, наивный характер обыденного сознания придает последнему колорит непосредственности и задушевности. Наверное, это имел в виду А. де Сент-Экзюпери, когда воскликнул: «Достаточно услышать крестьянскую песню XV века, чтобы почувствовать, как низко мы пали».

Подчеркнем универсальность и позитивность влияния народной культуры на все виды специализированного сознания, включая сюда ко всему прочему и науку. Народный вклад в научное познание исследователи находят в истории, психологии, медицине, педагогике, биологии и т.д. Вообще нет ни одной области научного, философского, нравственного, политического, художественного, экономического, медицинского знания, в которые не проникал бы разговорный язык, бытовая лексика и вместе с ними — народная житейская мудрость.

В главе III «Динамика социокультурной информации в аксиологическом аспекте» выявляется методологическая ценность идеи уровней общественного сознания, которая заключается в том, что она открывает более глубокий пласт проблемы общения и понимания как явления социокультурного, связывающего духовными нитями людей, стоящих на разных ступенях общества и культуры.

В § 1 «Проблема общения и понимания социокультурной информации» показано, что общение в сфере общественного сознания протекает между людьми непосредственно, лицом к лицу, в форме, которую Г.Тард называл разговором. Разговор позволяет создать узы, объединяющие людей глубинными духовными связями. Это диалог, не имеющий прямой и непосредственной пользы. Разговор стимулирует повышенное внимание собеседников друг к другу, бессознательно их сближающее. Общение, субъектами кото-

рого выступают представители специализированного сознания, если отвлечься от контактов чисто профессиональных, обращено не к «ближнему», а к «дальному» и поэтому оснащено особыми средствами коммуникации.

И специализированное, и обыденное сознание объективно нуждаются друг в друге, жаждут соединиться: литератор — с читателем, художник — со зрителем, богослов — с мирянами, политический деятель — с избирателями и т.д. Общение заложено в структуре общественного сознания как необходимая посылка его реального функционирования.

Проблема единства носителей специализированного и обыденного сознания, проблема их общения (и понимания) обнаруживают всю свою громадную величину лишь тогда, когда мы учтем ту социальную и культурную противоположность между ними, о которой уже сказано выше. Проблема общения и понимания социокультурной информации — действительно серьезная проблема, если мы взглянем на нее одновременно с двух полюсов: с позиции «высокого» и «низкого» сознания и убедимся, что их разделяет большая дистанция, пространное семантическое поле.

Идея уровней общественного сознания помогает осмыслить общение как явление прежде всего социального порядка, то есть как взаимодействие людей, не только подчас далеко отстоящих друг от друга в одной социальной плоскости, но и разнесенных по социальной вертикали. В этом же плане — плане преодоления смыслового пространства — общение предстает как проблема культуры.

Процессы распространения и восприятия социокультурной информации обнаруживают острую потребность, во-первых, в ее определенной переработке (популяризации) и, во-вторых, в специальных усилиях посредников, функция которых — соединение культурного «верха» с культурным «низом». Популяризация в той или иной форме затрагивает любой коммуникативный процесс, связывающий специализированное сознание с обыденным. Противоречие популяризации заключается в том, что она одновременно и

сохраняет, и не сохраняет (и даже намеренно нарушает, перетолковывает) исходный смысл информации, порожденной в сфере культурного «верха». Чем дальше реципиент — читатель, зритель, слушатель — отстоит от специализированного сознания, тем большему упрощению должна быть подвергнута информация, тем сложнее достигается ее адекватное понимание. Понимание — феномен социокультурного дистанцирования людей: чем больше дистанция, чем дальше отстоят друг от друга субъекты общения, тем ярче должен сверкнуть луч понимания, рассеивающий мрак отчуждения между людьми.

В § 2 «Социокультурные особенности образованной общественности» выявляется необходимость особого рода деятельности, особых усилий по преодолению смыслового пространства между культурными полюсами. Сама по себе культурная дистанция, существующая между представителями специализированного и обыденного сознания, исчезнуть не может. Здесь необходима особая деятельность по ее преодолению в акте коммуникации. Таким образом, обнаруживается место для особого культурного субъекта, действующего в рамках определенных социальных институтов, вооруженного соответствующим сознанием. Это — образованная общественность, образовательные учреждения, образованное сознание, которые, вместе взятые, порождают образовательную сферу общества. Возникновение образовательной сферы явилось следствием дивергенции духовного производства, в которой решающую роль сыграли предмет и направленность деятельности.

Суть образовательных усилий заключается в воздействии на человека, ведущем к духовному развитию последнего как личности. Процесс передачи культурной информации совершается при этом в виде личностных контактов, общения. Такого рода контакты подразумевают сознательную индивидуализацию, преднамеренный учет неповторимых свойств, духовного мира образующего и образуемого. Профессиональная активность образованного работника раз-

вертывается как непосредственно личностное общение с субъектами других видов деятельности, здесь межпрофессиональное общение превалирует над общением внутрипрофессиональным.

Анализ границ образовательной сферы показывает, что современная литература обычно сужает их пределы. Фактически институтом образования выступает кроме школы (начальной, средней и высшей) и так называемых внешкольных образовательных учреждений (например, детский сад, летний детский лагерь и т.д.) целый ряд других: редакции газет и издательств, радио и телевидение, библиотеки, театры и кинотеатры, медицинские и юридические учреждения, экскурсионные бюро, музеи, планетарии и т.д. Конечно, не все они с равным успехом выполняют образовательную функцию и тем не менее, если мы хотим получить достаточно полную картину образовательной деятельности общества, мы должны брать ее в максимально полном объеме.

Сопоставляя образованную общественность с публикой, которая в эпоху современных средств массовой коммуникации стала массовидным субъектом культурной жизни общества, мы отмечаем, что первая заявляет о себе как активная, самостоятельная часть второй. Публика, в отличие от образованной общественности, является относительно пассивной категорией потребителей духовной продукции. Кроме того, в сравнении с публикой образованная общественность внутренне безразлична к средствам массовой коммуникации, она осуществляет свою задачу прежде всего в процессе непосредственного контакта с людьми. С любой техникой, опосредующей отношения человека с человеком, образованный специалист заключает лишь временный союз и прибегает к ней лишь как к вспомогательному средству.

В § 3 «Социокультурный цикл коммуникации и роль образованной общественности» обращается внимание на то, что в философской литературе давно исследуются круговороты в природе, а вот информационные круговороты в культуре — тема, еще не нашедшая законного места в обществоведческой проблематике. Од-

нако потребности такого подхода ощущаются уже давно. Отдавая дань концепции А.Моля, который первым выделил социокультурный цикл в отдельную тему культурологического исследования, мы высказываем замечание в его адрес, которое связано с преувеличением роли средств массовой коммуникации в социодинамике культуры. Если рассматривать не только единичные акты общения, а их массовидную картину на уровне социального целого, то не активность средств массовой коммуникации, а общение профессионалов образовательной сферы будет играть решающую роль в социодинамике культуры. Именно непосредственное общение человека с человеком, взаимный обмен словами и улыбками составляют «тайную пружину» коммуникации, основу ее энергетики. Непосредственное общение выступает основой коммуникативных связей людей во всех сферах жизни общества.

Образованным специалистам приходится иметь дело и с «чистым», и с обыденным (природным) сознанием, но и в том и другом случае предмет их профессионального внимания один — человек, с его неповторимыми индивидуальными качествами. Находясь посередине между полюсами культуры, работники образовательной сферы обращаются и к «верху», и к «низу», замыкая своей деятельностью поток культурной информации в единый цикл. Возникающие коммуникационные «волны» постоянно подпитываются личным общением, вмещающим в себя образовательную коммуникацию, образовательное взаимодействие, познание и самопознание.

Ориентируясь к «верху» культуры, образованные интеллигенты стимулируют сознательное индивидуальное творчество, а обращаясь к «низу», они развивают стихийное творческое восприятие и освоение мира обыденным сознанием и извлекают духовный потенциал народной мудрости. Обучение и воспитание подрастающего поколения всегда означает передачу традиций, связывающих современность с историей. Новому поколению передаются нормы, знания, жизненные правила, принципы нравственности, верования,

донесенные их прошлым историческим преданием и памятью, наукой, искусством, религией и другими формами концентрации человеческого опыта.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования и высказываются идеи по дальнейшей разработке аксиологической концепции социокультурной коммуникации. Диссертация не дает законченной картины аксиологических свойств социокультурной коммуникации, ценностной структуры общественного сознания и роли средств массовой коммуникации в обществе, их влияния на современную культуру. Требуется более детального изучения и вопрос о соотношении горизонтального и вертикального аспектов коммуникации. Здесь намечены только общие контуры концепции, которые, на наш взгляд, позволяют продолжить начатую работу не только автору, но и тем исследователям, чьи научные интересы окажутся волевыми в орбиту обозначенных здесь проблем.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

1. Аксиологическая структура социокультурной коммуникации. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. — 114 с.

2. Роль эмоциональных состояний в научном творчестве // Методологические основы теории научного знания: Тез. к общакад. симпозиуму. — Ч. 1—2. — Ч. 1. — Свердловск: Урал. научный центр АН СССР, 1973. — С. 184—188.

3. Эмоциональная оценка и научное творчество // Отражение и научное творчество. — Свердловск: УрГУ, 1974. — С. 130—135.

4. Как стать философом? // Комс. правда. — 1976. — № 273. — 19 ноября. — С. 2.

5. Объект эмоционального отражения // Проблемы теории познания. — Челябинск: Челяб. гос. пед. ин-т, 1976. — С. 38—49.

6. Эмоциональные состояния как первичная форма оценочного познания // Ценностные аспекты отражения. — Свердловск: УрГУ, 1977. — С. 83—89.

7. Тождество и различие уровней экономического исследования // Тождество и различие. — Свердловск: УрГУ, 1979. — С. 153—159. (В соавторстве).

8. Коммуникативный аспект знания в научной деятельности // Творческий характер практики. — Свердловск: УрГУ, 1979. — С. 147—152.

9. Чувственное сознание и язык // Отражение и язык. — Свердловск: УрГУ. 1980. — С. 60—64. (В соавторстве).

10. Учитель-универсал?.. // Лит.газета. — 1983. — № 24. — С. 14; Она же // Спутник. — 1984. — № 1. — С. 49—51.

11. Образованное сознание как форма связи теоретического и практического сознания // Теоретическое наследие К.Маркса и научно-технический прогресс: Тезисы докладов межвузовского симпозиума. — Свердловск: Урал. отд. филос. об-ва СССР; Свердл. обл. совет НТО, 1983. — С. 36—39.

12. Уровни философского сознания // Социальная сущность философии и научно-технический прогресс: Тезисы докладов межвузовского симпозиума. — Свердловск: Свердл. обл. совет НТО, 1987. — С. 76—77.

13. Роль эмоционального аспекта в образовательной деятельности общества // Социальная роль марксистско-ленинской философии в ускорении научно-технического прогресса: Тез. докл. межвуз. симпозиума. — Свердловск: Свердл. обл. совет НТО, 1985. — С. 168—169.

14. Образовательный аспект духовного производства // Актуальные проблемы идеологического обеспечения научно-технического прогресса: Тез. докл. межвуз. симпозиума. — Свердловск: Свердл. обл. совет НТО, 1986. — С. 160—161.

15. О роли образованной общественности в развитии научного познания (на примере классической биологии) // Средства и факторы развития научного познания. — Свердловск: УрГУ, 1986. — С. 135—144.

16. Популяризация — важная функция науки // Наука Урала. — 1987. — № 2. — 7 янв. — С. 2—3.

17. Аксиологический подход к человеку // Марксистско-ленинская концепция человека и научно-технический прогресс: Тез. докл. научно-практич. конференции. — Свердловск: Свердл. обл. совет НТО, 1987. — С. 47—48.

18. Практике культурной рецепции — научную основу // Коммунистический идеал и философские проблемы совершенствования социализма: Тез. выступлений на конференции. — Усть-Каменогорск: Усть-Каменогорский пед. институт, 1987. — С. 178—181.

19. Структура индивидуального сознания и идеологический процесс // Научно-технический прогресс и духовная культура: Тез. докл. VIII межвуз. симпозиума. — Свердловск: Урал. отд. филос. об-ва СССР; Свердл. обл. правл. союза НИО СССР, 1988. — С. 137.

20. Рациональность различных уровней общественного сознания // Рациональность науки и практики: закономерности сближения. — Свердловск: УрГУ, 1989. — С. 72—90.

21. Проблемы повышения языковой культуры студентов // Гуманитаризация высшего образования: Тез. научно-практич. конференции. — Челябинск: Челябинский регион. центр высшей школы, 1990. — С. 134—136.

22. Аксиологический подход к человеку: история и современность // Социалистический гуманизм: личность и общество. — Ч.1—2. — Ч. 2. — Свердловск: Свердловская высшая партийная школа, 1990. — С. 91—106.

23. Амбивалентность ценностного сознания // Внедрение НИР в практику здравоохранения в XII пятилетке: Тез. докл. научной сессии мед. института. — Свердловск: Свердловский мед. институт, 1990. — С. 122—123.

24. О политической культуре масс до и в период гласности // Соотношение общей и политической культуры: теоретические и прикладные аспекты: Тез. докл. республиканской научной конфе-

ренции. — Комсомольск-на-Амуре: Комсомольск-на-Амуре гос. пед. ин-тут, 1991. — С.175—176.

25. Нравственная ценность истории // Уральская философская школа и ее вклад в развитие современной философии: Материалы научно-практич. конференции. — Екатеринбург: УрГУ, 1996. — С. 106—108.

26. Похвальное слово Русской Истории // Реминисцентный анализ отчужденных форм существования: Сб. науч. трудов. — Екатеринбург: Урал. юр. ин-т, 1997. — С. 54—59.

27. Проблема источника социодинамики культуры // Творчество и культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Екатеринбург: УрГУ, 1997. — С. 20—22.

28. «Верх и низ» как универсалия мировосприятия // Человек как творец культуры: Материалы Всероссийской научно-практич. конф. — Екатеринбург: УрГУ, 1997. — С. 345—355; Она же // Проблемы философской атропологии и философии культуры: Альманах. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юр. акад., 1999. — С. 168—176.

29. Мудрость русского фольклора // Детство. Образование. Богословие и культура: Материалы круглого стола научной и педагогической общественности. — Екатеринбург: Пед. об-во России, 1998. — С. 85—88.

30. Вера как феномен культуры // Эпистемы: Альманах: Материалы межвузовского семинара. — Екатеринбург: Рос. филос.-общ-во, 1998. — С. 45—51.

31. Наука и образованная общественность // Урал в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. — Ч. 1 — II. — Ч. II. — Екатеринбург: РАН, Урал. отд. ин-та истории и археологии; Урал. гуманит. ин-тут, 1998. — С. 28—31.

32. Социально-историческая противоположность «верха и низа» культуры // Гуманитарные исследования: Ежегодник. — Вып. III. — Ч. II. — Омск: Изд-во Ом ГПУ, 1998. — С. 40—48.

33. Аксиологическая структура социокультурной коммуникации // XXI век: будущее России в философском измерении: Матери-

алы Второго российского филос. конгресса: В 4 т. — Т. 3.: Философская антропология и философия культуры. — Ч. 2. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — С. 22—23.